

DOI 10.15826/qr.2017.1.223
УДК 94(100)"1914/19"+94(470)"16/19"

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЕРОИЗМЕ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ: СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК НЕМЕЦКОГО
ЕЖЕГОДНИКА *JAHRBÜCHER FÜR GESCHICHTE
OSTEUROPAS* (2015)***

Рец. на: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2015. – Bd. 63. –
Н. 4. – S. 529–708.

Александр Козлов
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**REFLECTION ON HEROISM IN THE RUSSIAN EMPIRE:
A SPECIAL ISSUE OF THE GERMAN JOURNAL
JAHRBÜCHER FÜR GESCHICHTE OSTEUROPAS (2015)**

Rev. of: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2015. – Bd. 63. –
Н. 4. – Pp. 529–708.

Aleksandr Kozlov
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The review explores the conceptual and content sides of a thematic volume of a well-known German yearbook, analysing the form and essence of the understanding of heroism and the heroic in official Russia between the 18th and early 20th centuries. The reviewer agrees that the topic the authors consider is relevant as part of the area in question. He also emphasises the debatable character of issues concerning the Russian authorities' attitude to people's behavior in extreme conditions of war at its different stages and in different social and political situations, and that of society. Close attention is paid to the new interpretations of the social aspects of reflection upon heroism in the context of World War I.

Keywords: Modern Era; history of Russia; heroism.

---

* *Citation:* Kozlov, A. (2017). Reflection on Heroism in the Russian Empire: A Special Issue of the German Journal *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 276–285. DOI 10.15826/qr.2017.1.223.

Цитирование: Kozlov A. Reflection on Heroism in the Russian Empire: A Special Issue of the German Journal *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 276–285. DOI 10.15826/qr.2017.1.223 / Козлов А. Размышления о героизме в Российской империи: специальный выпуск немецкого ежегодника *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (2015) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 276–285. DOI 10.15826/qr.2017.1.223.

В рецензии раскрываются концептуальная и содержательная стороны тематического тома известного немецкого ежегодника, анализирующего особенности формы и сущностные характеристики понимания героизма и героического в официальной России в XVIII – начале XX в. Указана актуальность избираемой исследователями тематики в рамках заявленной проблемы. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся оценок российскими властями, с одной стороны, и разными группами общества, с другой, поведения в экстремальных ситуациях войны на разных ее этапах и в разной общественной и политической обстановке. Особое внимание обращено на те тезисы, которые по-новому раскрывают социальные аспекты функционирования рефлексии по поводу героизма в динамике Первой мировой войны.

Ключевые слова: Новое время; история России; героизм.

Очередной выпуск известного немецкого журнала, посвященного истории Восточной Европы, тематический, что является похвальной традицией издания. На этот раз предмет исследования – русские концепции героического в контексте войн России конца XVIII – начала XX в., включая Первую мировую войну (S. 532)¹. Авторы вводной статьи *Дитмар Нойтатц* (известен российскому читателю прежде всего по опубликованному в 2013 г. переводу монографии «Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма») и *Рейнхард Нахтигаль* справедливо указывают на актуальность исследования подобной тематики по ряду причин. Во-первых, российский вариант героического как «общего феномена» находится «в более широком контексте новейшей конъюнктуры героического в Европе XIX – начала XX в.» (ибо именно тогда и в России, и на Западе всеобщая воинская повинность лишила знать привилегии на героизм, демократизировала его, сделав доступным любому гражданину (здесь авторы следуют наблюдениям Уты Фреверт [Frevert, S. 337–338])). Во-вторых, феномен героического на российском материале в научно-историческом плане находится еще в начальной стадии в связи с возвращением страны «к пронизанной осознанием достоинства и силы политике и к стремлению обрести соответствующую значимость в системе великих держав» (S. 530). При этом Нойтатц и Нахтигаль правомерно призывают учитывать тот факт, что в истории нет одних и тех же раз и навсегда заданных героических типажей, и «оценка героического с учетом диахронии подвержена сильным колебаниям» (S. 530). Возникает, впрочем, вопрос о сущностных характеристиках этих оценок и о критериях причин указанных колебаний, ибо немецкие исследователи полагают, что науку в меньшей степени интересуют реальная жизнь и реальные деяния героев («если об этом вообще есть достоверная информация, помимо героизирующего нарратива и приписываемой фактологии»), нежели «то, что из них сделали» (S. 531). Думаю,

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в круглых скобках с указанием номеров страниц.

налицо абсолютизация релятивности героического применительно к историческим эпохам, так как даже с позиций многофакторности детерминизма содеянного человеком в конкретную эпоху реальные, а не литературные или художественно-изобразительные факты из его жизни должны интересовать ученого.

Однако гипертрофия относительности героического, допущенная в статье, отчасти объяснима – авторы во многом исходят здесь из печального примера Германии, где образ бойца, жертвующего всем ради фатерлянда, был дискредитирован массовыми преступлениями во время Второй мировой войны, поэтому, по мысли Нойтатца и Нахтигала, «[западно]германское общество воспринимает себя с 1945 г. как определенно негероическое», хотя потребность в героях в таком «постгероическом» социуме остается: герои не исчезают, а «превращаются» – в спасателей чьей-либо жизни, пожарных и т. п. (S. 530). Думается, однако, корни противоречия в векторах и содержании восприятия героического не столько этические и юридические, сколько социально-политические, ибо *защита Отечества*, во-первых, явление исторически универсальное, а, во-вторых, этически полноценное, а значит, исполнено героики, если происходит максимально *не за счет других*. Поэтому к во многом справедливому заявлению, что «во времена, когда социальные или политические порядки подвергаются эрозии, а новые нормативные системы и предлагаемые смыслы вступают в конкуренцию с традиционными, особое значение обретает проекция ценностей и представлений о желательном на образы героев» (S. 534–535), следовало бы добавить уточнение – «героев, обладающих конкретно-исторической и этико-социальной определенностью».

Вне учета подобной конкретики неудивительны уравнивания в векторах прежде всего имперского, а не «национального» поведения многоэтничных империй Габсбургов и Романовых, героизирующих «исторические образы, которые в державной истории выступали *insbesondere militarisch*», – в то время такие гражданские лица как Ломоносов и Пушкин стали считаться героями гораздо позже и «до мировой войны включительно никогда не достигали такого масштаба, как герои военные» (S. 535). Здесь опять-таки видно нарушение исторической конкретики – помещение в одну нишу оценочно разделяемых в национальном сознании фигур, мало того – соотнесение их по каким-то количественным критериям («масштаб», «интенсивность»).

Уже приведенные наблюдения над вводной статьей «Ежегодника» побуждают обратить пристальное внимание прежде всего на методики исследователей, чьи пять конкретно-исторических анализов темы героики войн России XIX – начала XX в., сразу отмечу, в большинстве так или иначе расходятся со взглядами Нойтатца и Нахтигала на данный предмет. Особенность содержания представленного в сборнике материала в том, что его сюжеты связаны в большей мере с общественным и мировоззренческим климатом России накануне и в ходе Первой мировой войны. Исключение, да и то частичное, представля-

ет статья Е. А. Вишленковой и М. А. Давыдова, но о ней – особый разговор. Отсюда следует предварительный вывод рецензии – презентуемый материал можно рассматривать лишь как осторожные первые шаги к раскрытию заданной темы. До комплексного ее анализа еще явно далеко. Избранный мною прием рассмотрения исследований «Ежегодника», наверное, предполагает движение от работ, демонстрирующих несложные методики, к более рафинированным.

В предлагаемом выпуске особняком стоит предпринятое *Н. Родиным* (Санкт-Петербург) относительно краткое изложение истории Всероссийского общества памяти воинов русской армии, павших в войне 1914–1915 гг. с Германией, Австрией и Турцией (работало с весны 1915 по ноябрь 1917 г.). Выполненное преимущественно по архивным материалам, оригинальное изыскание на практически не изученную тему посвящено не феномену героического как таковому, а уникальной общественной организации (хотя и имевшей предшественников по духу и целеполаганию), нацеленной на сохранение памяти о событиях и участниках Первой мировой войны². Избегая историософских и конкретно-исторических рассуждений на тему понимания героизма как такового организаторами, спонсорами и высокопоставленными покровителями общества, Родин исследует главным образом институциональные нюансы развития организации. Здесь можно отметить и реальный демократизм членства в обществе, и четкую апелляцию к российской традиции по увековечиванию памяти о павших подданных империи, когда все меньше учитывались их социальное происхождение, национальность и вероисповедание (S. 630), а также увязывание прекращения деятельности общества с тем, что его цели «не были близки новой государственной власти», сформировавшейся осенью 1917 г. (S. 640). Конечно, последнее утверждение требует аргументации архивными документами, как и многие другие моменты в развитии общества, слабо затронутые в статье: и ориентация на более широкое привлечение общественности, и работа с молодежью, и негативная реакция на коммерциализацию целого ряда мероприятий (особенно касающихся создания особых кладбищ или установок памятников). Иными словами, тема это перспективная и требует дальнейшей разработки.

Частично (по методам выявления фактологического материала, в том числе из архивных дел) с работой Родина сходна небольшая статья *С. Г. Нелиповича* (Балашиха), посвященная разоблачению «крючковщины» (термин присутствует в названии статьи). Но только частично. Исследователь наглядно показывает, что в столкновении разъезда казаков между Любово и Александрово (Восточная Пруссия) и немецким кавалеристским подразделением 12 августа 1914 г. все было совсем

---

² Например, автор называет Комитет по увековечению памяти русских воинов, павших на войне 1904–1905 гг., а также Комиссию по увековечению памяти воинских чинов (образована Обществом повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям), погибших в войне с Японией, на местах их родины (S. 629).

не так, как в дальнейшем преподносила пропаганда, особенно лубочная, превозносившая подвиг казака Козьмы Крючкова (якобы командира разъезда и якобы нанизавшего на пику аж 11 врагов). Смысл изысканий автора – доказать, что успех казацкого отряда не был «персональным», а был достигнут благодаря взаимодействию с пехотой, и что ставка пропаганды на индивидуализацию подвига в войне, где крайне важна была кооперация усилий при одновременном разделении труда, являлась глубоко ошибочной (S. 623). Поскольку никаких данных о реакции разных групп российской общественности на такие «промахи» пропаганды Нелипович не приводит, ограничившись констатацией факта, что уже в 1915 г. лубок с прославлением Крючкова исчезает, приходится признать, что автор статьи не учитывает природы формирования и развития военно-героического мифа вообще и в тогдашних российских условиях в частности. Миф преподносит войну как поединок, где победу, а значит, правду определяет Бог, и в тогдашнем народном сознании война и подвиги на войне – не продолжение политики, а продолжение противостояния сил правды и кривды, света и тьмы. К тому же поскольку война полна ужасов, то миф помогает избавиться от этого ужаса и побуждать людей идти на войну с подъемом, без чего, конечно, невозможно победить, и тем самым принижает ужасы войны. Неудивительно, что и сам Нелипович пишет о существовании множества других тогдашних лубочных героев, способных соревноваться с Козьмой Крючковым, пишет и о памяти о Крючкове, сохранившейся на страницах романа «Тихий Дон». Указания же в качестве причин фиаско «пропагандистского проекта "Козьма Крючков"» на привилегированность казацких соединений, на память о казаках как карателях во время революции 1905–1907 гг., на неудовлетворенность действиями казаков со стороны некоторых командующих пехотой (сделана ссылка на «Записки» генерал-майора Я. М. Ларионова) (S. 624) также не имеют отношения к законам развития мифологического восприятия действий «своих» (а не представителей чуждого сословия или класса) в ходе Отечественной войны 1914–1918 гг.

Отрадно, что помещенная в этом же томе «Ежегодника» статья С. Ю. Малышевой (Казань), уже давно исследующей эволюцию рефлексии разных социальных групп провинциальной России на явления начала XX в., отчасти компенсирует недочеты в методике Нелиповича. Ее задача – на основе анализа газет, журналов и популярной литературы (официального «городского» патриотического дискурса) и, с другой стороны, преимущественно солдатских писем (фронтовой, деревенский дискурс) исследовать отношение этих двух общественных полюсов к павшим на полях Первой мировой войны. Сразу отмечу: автор ссылается в основном на опубликованные источники, а при привлечении аналитической литературы, напрямую имеющей отношение к теме, ею допущены досадные лакуны – например, не использованы основательные работы О. С. Поршневой, И. В. Нарского,

А. Б. Асташова [Поршнева, 2000; Поршнева, 2004; Нарский, 2007; Нарский, 2014; Асташов, 2003; Асташов, 2012]. Тем не менее, основные выводы исследовательницы достойны пристального внимания: крайне противоречивые взгляды на павших героев и героизм в «германской» войне обуславливались тем, что они возникали «в негомогенном культурном и социальном пространстве» тыла и фронта, «пространстве дискурсивном, состоявшем, с одной стороны, из квазиофициозной культуры образованных средних и высших городских слоев, а с другой – из культуры низших слоев, имевшей признаки ментальности преимущественно сельского населения» (S. 613). Иными словами, в этом пространстве имели место и «романтические конструкты официальной пропаганды», и «городской патриотический дискурс глубинки», а также «элементы циничного прагматизма фронта и крестьянского религиозного фатализма» (Ibid.). Малышева убедительно показывает, что на обоих полюсах представления о павших героях эволюционировали. У горожан романтический воинский героизм персонального и бравурного типа менялся картиной массовых и анонимных возвышенно-трагичных жертв и культом павшего солдата. На фронте в «серой среде» имел место быстрый переход от склонности к «религиозно мотивированной (но не рефлексивной и воспринимаемой как необходимость) массовой готовности к самопожертвованию до цинично-равнодушной десакрализации и тем самым – обесцениванию героизма» (S. 614). Приведенная Малышевой аргументация, иллюстрирующая эти тезисы, требует, однако, расширения за счет архивных изысканий для выявления конкретных социально-территориальных восприятий героического, ибо с 1915 г. даже в привлекаемых автором источниках растет преобладание оценок гибели на фронте как таковой, но не героической гибели. Что касается завершающих статью заявлений о вытеснении с октября 1917 г. «германской» войны на периферию российской исторической памяти, о дезавуировании большевиками культа павших и перенесении его «в иную плоскость», «злоупотреблении» им «в идеологических целях», то анализом источников эти высказывания не сопровождаются и производят впечатление искусственного дописка к основному материалу.

Частный, но очень важный сюжет, относящийся к истории восприятия героического в России на рубеже XIX–XX вв., и особенно во время Первой мировой войны, представил *Р. Нахтигаль*. Речь идет о представлениях «поздним царизмом» (прежде всего) фигуры Александра Суворова, превратившегося из «преимущественно имперского героя XIX в. в национального российского героя на рубеже столетий» (S. 593). Исследователь делает важную оговорку: он анализирует не все формы и сферы героизации Суворова в России, а только те, которые обещали накануне великой войны изрядное медиальное воздействие. Например, углубление в образ Суворова-героя потребовало создания новых полковых традиций, а посему такого рода изыскания

требуют учитывать наряду с созданием истории соответствующих воинских подразделений тексты строевых песен и маршевую музыку. Автор лишь косвенно упоминает именованные улицы, площади и т. д. в честь полководцев, ставших важной частью официальной исторической памяти. Нет подробного анализа спектакля «Суворов» А. Алексеева-Яковлева, шедшего на сцене «Народного дома» в Петербурге в начале войны. И хотя при рассмотрении востребованности властями России образа Суворова начиная со времен Александра I автор доказывает не только его эволюцию, но и устойчивость апелляций к нему (прежде всего на примере памятников, литературы и т. д., особенно в юбилейные для памяти о великом российском полководце годы конца XIX в.), основной его вывод не просто фундирован, но для российского читателя несколько неожиданен: во время войны 1914–1918 гг. Суворов и его боевые товарищи в официальной национально-патриотической культуре почти не были представлены. Нахтигаль хорошо знаком с научной российской современной историографией на темы героизации прошлого (порой даже лучше знаком, чем представленные в сборнике российские авторы), но и он, на мой взгляд, не выявил причины того явления, название которого вынес в заголовок статьи, – *Scheitern der Suworov's Heroisierung im Ersten Weltkrieg*. Исследователь указывает (вслед за Г. Ф. Дженом и О. С. Поршневой) на нарастающие «многообразные неприятности, порождаемые войной», которые «основательно уменьшали перспективы героических деяний, патриотической позиции и героизации исторических образов». Он справедливо пишет (во многом отталкиваясь от наблюдений К. Н. Цимбаева) о невосприятии широкими массами на рубеже веков правительственной пропаганды героики прошлого, о неудачах властей «по мобилизации общественности» на подобной базе в условиях правительственных кризисов и о несоответствии такого рода действий реалиям России начала XX в., тем более что в ходе войны шел переход от «форм воинского героизма к рождению траура по павшим и умирающим» (S. 591). Все это верно, но касается умаления в общественном сознании образов воинов-героев прошлого вообще и лишь отчасти прокладывает путь к пониманию места фигуры Суворова в подобных процессах.

Большая статья Е. А. Вишленковой и М. А. Давыдова (Москва) «Сто лет споров о героях войны 1812 года: от войны “Отечественной” к “Первой мировой”» является, на мой взгляд, узловой для рецензируемого сборника. Узловой – поскольку демонстрирует плодотворность применения к столь сложной теме как «героизация и дегероизация» одного и того же объекта нескольких (в отличие от рассмотренных выше публикаций) сложнейших взаимодополняющих методик анализа ключевых (для данной темы), рассчитанных на широкого читателя XIX – начала XX в. нарративов. Последние составляют три блока: историко-научный («Описание» А. И. Михайловского-Данилевского, «История» М. И. Богдановича и др.), мемуарный (рукописи

А. П. Ермолова, Надежды Дуровой, Дениса Давыдова), художественный (прежде всего произведения В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого). Полагаю, основная ценность статьи даже не в том, что авторы мастерски показывают зависимость толкования войны и деяний наиболее заметных ее фигур, во-первых, от развития обстановки в России и вне ее, во-вторых, от эволюции заказов верховной власти на презентацию событий 1812 г. (*offizielle Erinnerungspolitik*), в-третьих, от конкретно-исторического поведения (в том числе через отношение к войнам страны) российских элит (особенно при подготовке и проведении юбилея событий в 1912 г., см.: S. 567–568)³. Подобные выводы можно было предугадать, зная научный уровень авторов. Дело в оригинальности способов показать в конечном счете вытекающий из полемик XIX в. сконструированный образ героев войны с Наполеоном, двойственность этого образа (вызывающая иногда противоположные чувства), его изменения (появление, затухание, исчезновение и снова появление – уже, как правило, с другими чертами) в национальной памяти.

Особое место в статье уделено анализу образов героев романа «Война и мир», анализу с помощью метода генетической критики текста, прежде всего выявления генезиса образа героев через сопоставление видения Толстым того или иного героя из черновиков, записей (в том числе из мемуаров участников войны), что сделало возможным не только показать приемы писателя в работе с источниками, но и выделить из этих приемов «способы перекодирования» характеристик героев, «ретуширования противоречий», «создания зон умолчания». Конкретика методов Толстого – наверное, важнейший аргумент исследователей в установлении зависимости механизмов героизации фигур 1812 г. от господствовавшей в определенное время философии истории. Например, в 20–30-е гг. XIX в. романтизация и национализация прошлого страны десакрализовала Александра I и сменила образ «священной войны» на образ «народной войны». Толстой же в 60-е гг. XIX в. деперсонализировал войну и сделал героями русскую семью и русский народ. К началу XX в. социологизация анализа событий 1812 г. представила войну конфликтом процессов, интересов и групп, а герои превратились в *Beiwerk der «großen» Geschichte* (S. 569).

Во вводной статье рецензируемого сборника Нойтатц и Нахтигаль пишут, что все представленные в данном выпуске работы демонстрируют «противостояние время от времени *Heldenkonstruktionen* друг другу и не всегда успешное протекание попыток героизации, потому что проводимые с их помощью представления сталкивались с иначе сконструированными представлениями и дискурсами» (S. 532). Подобным образом сформулированный вывод позволяет сказать, что немецкие коллеги в значительной степени мыслят моделями явлений, в то время как представленные российские авторы в большей мере

³ Из последних работ, посвященных данному сюжету, укажу на статью: [Земцов, с. 35–52].

мыслят процессами. И в подобном историографическом ракурсе данный выпуск «Ежегодника» весьма показателен.

И еще одно замечание. В качестве повода к исследованию предложенной сборником темы авторы вводной статьи представляют идеи выставки Русского музея «Герои и злодеи русской истории в искусстве XVIII–XX веков» (2010). При этом без всяких аргументов названы ангажированными слова Павла Климова, куратора выставки (и автора введения к ее каталогу), о том, что возрождение памяти о героях российского прошлого – «жгучая проблема исторического воспитания», основа для подлинного патриотизма и дел, базирующихся на вечных ценностях. Похоже, Нойтатц и Нахтигаль полагают, что в нынешней России подобные мысли и дела не имеют объективной основы и возникают лишь по соизволению властей. Правда, немецкие коллеги добавляют, что указанные высказывания Климова «типичны для патриотической волны, наблюдаемой в России с рубежа тысячелетий» (S. 529). Если «волне» уже более 15 лет, то имеет смысл рассмотреть ее не столько как санкционированное начальством, сколько как объективно-историческое явление. Для сравнения можно обратиться ко многим реалиям, констатированным тем же Нахтигальем при анализе эволюции образа Суворова в статье, упомянутой выше.

Наверное, следует рассчитывать на продолжение исследования темы развития взглядов на героизм в войнах России, и не только XIX – начала XX в., с непременной остротой научной дискуссии, но, безусловно, и с уважительным отношением к точке зрения оппонента.

Список литературы

Асташов А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.

Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 72–86.

Земцов В. Н. Панорама Ф. А. Рубо «Бородинская битва»: история одного национального мифа // Запад, Восток и Россия: война – мир – память. Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2012. Вып. 14. С. 35–52.

Нарский И. В. Первая мировая и Гражданская войны как учебный процесс: Военизация жизненных миров в провинциальной России (Урал в 1914–1921 годах) // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / под ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М. : Новое лит. обозрение, 2014. С. 179–201.

Нарский И. В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...»: Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России / под ред. И. В. Нарского, О. С. Нагорной, О. Ю. Никуновой, Ю. Ю. Хмелевской. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 488–502.

Поршинева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М. : РОССПЭН, 2004. 368 с.

Поршинева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2000. 414 с.

Frevert U. Herren und Helden : Vom Aufstieg und Niedergang des Heroismus im 19. und 20. Jahrhundert // Erfindung des Menschen : Schöpfungsträume und Körperbilder 1500–2000 / Hrsg. R. van Dülmen. Köln, Weimar, Wien : Boehrlau Wien, 1998. S. 323–344.

References

- Astashov, A. B. (2012). *Propaganda na russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny* [Propaganda in the Russian Front during the First World War]. 400 p. Moscow, Speckniga.
- Astashov, A. B. (2003). *Russkij krest'yanin na frontah Pervoj mirovoj vojny* [The Russian Peasant in the First World War Battlefields]. In *Otechestvennaya istoriya*, 3, pp. 72–86.
- Frevert, U. (1998). *Herren und Helden. Vom Aufstieg und Niedergang des Heroismus im 19. und 20. Jahrhundert*. In R. van Dülmen (Ed.). *Erfindung des Menschen. Schöpfungsträume und Körperbilder 1500–2000*. Wien, Boehlau Wien. pp. 323–344.
- Narsky, I. V. (2014). *Pervaya mirovaya i grazhdanskaia vojny kak uchebnyj process: Voenizaciya zhiznennyh mirov v provincial'noj Rossii (Ural v 1914–1921 godah)* [World War I and Civil War as an Educational Process: Militarisation of the Vital Worlds in Provincial Russia (the Urals between 1914 and 1921)]. In Bruish, K., Katcer, N. (Ed.). *Bol'shaya vojna Rossii. Social'nyj poryadok, publichnaya kommunikaciya I nasilie na rubezhe zarskoj I sovetskoj epoch*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 179–201.
- Narsky, I. V. (2007). “*Ya kak stal sred' vojny zhit', tak I stala mne vojna, chto dom rodnoj ...*” Frontovoj opyt russkih soldat v “germanskoj vojne” do 1917 g. [“I both Began to Live in the War, and War Came to Be My Home...” Front Experience of Russian Soldiers in “the German War” till 1917]. In Narsky, I. V., Nikonova, O. Yu., Hmelevskaya, Yu. Yu. (Ed.). *Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii*. Chelyabinsk, Kamennyj poyas, pp. 188–502.
- Porshneva, O. S. (2004). *Krest'yane, rabochihie i soldty v gody Pervoj mirovoj vojny* [Peasants, Workers and Soldiers of Russia during the First World War]. 368 p. Moscow, ROSSPEN.
- Porshneva, O. S. (2000). *Mentalitet I social'noe povedenie rabochih, krest'yan i soldat v period Pervoj mirovoj vojny (1914 – mart 1918 g.)*. [Mentality and Social Behaviour of Workers, Peasants and Soldiers during the First World War (1914 – March, 1918)]. 414 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo UrO RAN.
- Zemcov, V. N. (2012). *Panorama F. A. Rubo “Borodinskaya bitva”: istoriya odnogo nacional'nogo mifa* [F. A. Roubaud's Panorama Battle of Borodino: The History of One National Myth]. In *Zapad, Vostok I Rossiya: vojna, mir, pamyat'. Voprosy vseobshhej istorii*. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo unstituta. Iss. 14, pp. 35–52.

The article was submitted on 19.01.2016